

Российские духовно-нравственные ценности и их уголовно-правовая охрана в XVI–XIX веках

Ф. В. Чирков

*Адыгейский государственный университет
ул. Первомайская, 208, 385000, Майкоп, Россия. E-mail: Fil-chirkov@mail.ru*

Автор прослеживает становление системы официально признаваемых и публично декларируемых ценностных ориентаций на протяжении XVI–XIX столетий в России. Данная система была окончательно сформирована на основе Стоглава, Домостроя, Устава благочиния, а также комплекса правовых норм, направленных на охрану традиционных ценностей, и включала в себя предписания уголовного и полицейского права. В структурном отношении она включала в себя предупредительные нормы и положения об ответственности за религиозные преступления, преступления против общественной нравственности, преступления в области половой морали, семейные преступления. Автор приходит к выводу, что существенным моментом эволюции этой соционормативной системы к концу XIX века стало признание ценности индивидуальной личности, ее прав и свобод, которое во многом предопределило дальнейшее развитие ценностных ориентаций общества и их уголовно-правовой охраны. Дело защиты и уголовно-правовой охраны традиционных ценностей и моральных норм было признано делом государственной важности.

Ключевые слова: история уголовного права, уголовно-правовая охрана традиционных ценностей, Стоглав, Домострой, религиозные преступления, преступления против нравственности, семейные преступления.

Russian Spiritual and Moral Values and their Criminal-Legal Protection in the 16th – 19th Centuries

F. V. Chirkov

*Adyghe State University
208 Pervomayskaya St., Maikop, Russia. E-mail: Fil-chirkov@mail.ru*

The author traces the development of the system of officially recognized and publicly declared value orientations during the 16th – 19th centuries in Russia. This system was finally formed on the basis of the Stoglav, Domostroy, the Charter of Decency, as well as a set of legal norms aimed at protecting traditional values, and included the prescriptions of criminal and police law. Structurally, it included preventive norms and provisions on liability for religious crimes, crimes against public morals, sexual offences and family crimes. The author comes to the conclusion that an essential moment in the evolution of this socio-normative system by the end of the 19th century was the recognition of the value of the individual, his or her rights and freedoms, which largely predetermined the further development of the value system of society and its criminal-legal protection. The matter of protection and criminal-legal protection of traditional values and moral norms was recognized as a matter of national importance.

Key words: history of criminal law; criminal-legal protection of traditional values; Stoglav; Domostroy; religious crimes; crimes against morality; family crimes.

Формирование, развитие русского государства в период Московского царства и его последующая трансформация в империю через серию реформ и завоеваний Петра I опирались (прямо или косвенно) на определенный набор ценностных норм и ориентаций, которые были созвучны православному христианству (как официальной государственной религии) и обеспечивались в правовом отношении взаимными усилиями светской и церковной властей. При этом именно церковь выступала главным носителем, хранителем и ретранслятором тех идей, которые сегодня именуется традиционными российскими духовно-нравственными ценностями. Церковь обеспечивала их идеологическое обоснование, в то время как государство по мере сжатия автономной судебной юрисдикции церкви

на волне усиления абсолютистских тенденций стремилось максимизировать собственные, в том числе правовые и уголовно-правовые возможности в деле их защиты.

Ярким, крупным свидетельством «сотрапачиваества» светской и церковной властей в деле презентации и защиты ценностей в рассматриваемый временной отрезок можно признать содержание уникального исторического памятника, к сожалению, редко вовлекаемого в исторический обзор при проведении уголовно-правовых исследований – Стоглава.

Стоглав представляет собой сборник решений поместного собора Русской православной церкви, который проходил в 1551 году по инициативе и при непосредственном участии царя Ивана IV Грозного. Особое место в обсуждении собора и подготовленном по его итогам Уложении (получившем наименование Стоглав [Чистяков 1984]) заняли именно царские вопросы к иерархам церкви, направленные на искоренение ересей и народных суеверий, укрепление благочиния, принятие мер к развитию религиозного образования. Обоснование ответов на них в предписаниях Собора охватывает большое число тем: от полемики по поводу вероисповедных догматов с еретиками до критики различных житейских обычаев, которые отвергались как безнравственные или откровенно языческие [Дылевский 2022: 21–22].

Оценивая этот документ, историю его появления, содержание и значение, можно утверждать, что в нем мы встречаем первую попытку официального обсуждения и закрепления системы ценностных ориентаций российского общества. Преодолев в основных чертах двоеверие (конкуренцию христианства и язычества), преодолев раздробленность, создав и укрепив систему органов централизованной государственной власти, российское общество и государство подводило определенный итог предшествовавшему этапу развития и определяло для себя ценностные ориентиры будущего. При этом, что особенно важно, – определяло официально, письменно, при совместном участии государственного аппарата и церковной организации.

«Моральному облику» мирян посвящены Главы 33, 36 – 40, 52 Стоглава. В них внимание Собора привлекают такие проблемы, как:

- внешний вид прихожан в церкви («в церквах божиих в соборных и приходных стоят без страха и в тафьях, и в шапках, и с посохи. ... и говор, и ропот, и всяко прекословие, и беседы, и смрадные словеса»);
- внешний вид граждан в быту («порицаемсяхрестьяне а в тридцать лет и старые главы бреют и брады и ус, и платье и одежи иноверных земель носят, то почему познатихрестьян»);
- пьянство («понеже бо пьянство начало и конец всем злым», «иже бо чрево насыщаяй излишне и блудно и пьянственноживый сей есть враг Христов»);
- сквернословие («лаются без зазору всегда всякими укоризнами неподобными, скаредными... и богомерзкими речьями»);
- бытовое межличностное общение («чтобы промеж себя и в соседстве жили любовно: не крали и не розбивали, и не ябедничали, и налживе не послушествовали, и чюжого не восхищали, и сами не обидели и скверными речьями не укорялись»);
- половая распущенность («А содомския бы скверныя дела в православных крестьянех мужеложство и скотоложство и рукоблудие и всякая нечистота никогда же не именовалася вашим священническим поучением и наказанием»);
- семейное воспитание детей («Также и чада их родителей своих почитали бы и слушали во всем по священным правилам. Иже четет родителя своя, той оцыстится от грех своих и от бога прославится. Аще ли кто злословит родителя, и сей пред богом грешен есть, а от людей проклят. Аще ли биет отца или мать, от церкви да отлучится и смертию да умрет»);
- необходимость повышение уровня грамотности и нравственности детей («чтобы ... все православные хрестьяне в коемждо граде предавали им своих детей на учение грамоте ... И те бы священники ... учили своих учеников страху божию и грамоте и писати и пети и чести со всяким духовным наказанием, наипаче же всего учеников бы своих берегли и хранили во всякой чистоте и блюли их ото всякого растления, наипаче же от скверного содомского греха и рукоблудия и ото всякия нечистоты»);
- пренебрежение исконными обычаями и заимствование иностранных нравов («В коейждо, убо рече, стране законы и отчиная не приходят друг ко другу, но своего обычая кийждо закон держит; мы же православнии, закон истинный от бога приемше, розных стран беззакония осквернихомся, обычая злая от них приимше, темже от тех стран томимы есмь и расточаями виною наша похоти и обычая, и сего ради казнит нас бог за таковая преступления»);
- распространение ересей, лжеучений, лжепророков, нежелательной литературы («во своем пределе по всем градом запретити и заповедати с великим духовным запрещением, чтобы православные хрестьяне таких богоотреченных и ... отверженных тех всех еретических книг у себя не держали и не чли»; «и где таковые прелестники, нарицаемые лживые пророки, обрящутся и учнут смущати православных крестьян всякими богомерзкими прельщениями, ... и таких бы прелестников православные хрестьяне не слушали и из домов от себя изгоняли»).

Как видим, вполне явственно оформлен корпус высоко нравственных, непосредственно связанных с православием, ценностных ориентиров, которым по совместному представлению церковной и светской иерархии должно отвечать российское общество и государство. Эти ориентиры были названы, а в поддержку им определена необходимость одновременного – и светского, и церковного служения. Составители Стоглава пытались опереться и на светскую власть, призывая царя налагать наказания на виновных в нарушении и поругании ценностей, и на власть церкви,

определяя путь исправления морального облика мирян посредством наставлений и поучений духовных лиц, а также оказания помощи незащищенным группам населения [Лунин 2000: 19, 20].

Важно при этом подчеркнуть, что в своеобразной и характерной для средневековья форме провозглашенные ценности были вполне отчетливо отрефлексированы в качестве основы, выражаясь современным языком, политики национальной безопасности. А именно: они были признаны условием исполнения исторической миссии человека и государства, которая нашла отражение в известных установках религиозной историософии о соотношении земной и небесной жизни. Если главная цель истории – полная реализация замысла Творца и установление Царства Божьего, то вся земная жизнь человека должна служить приготовлением к этому «финалу». Но поскольку только соблюдение определенных нравственных императивов может обеспечить человеку место с Богом на небесах, то задача не только церкви, но государя (чья власть – от бога) и государства в целом обеспечить и по возможности гарантировать этот процесс нравственного предуготовления человека к загробной и вечной жизни. Это обстоятельство сегодня прямо зафиксировано в Основах социальной концепции Русской православной церкви. Так сказано, в частности: «Возникновение земного государства должно быть понимаемо не как изначально богоустановленная реальность, но как предоставление Богом людям возможности устроить свою общественную жизнь исходя из их свободного волеизъявления, с тем чтобы таковое устройство, являющееся ответом на искаженную грехом земную реальность, помогало избежать еще большего греха через противодействие ему средствами мирской власти» [Основы социальной концепции: п. III.1]. «Священное Писание призывает власть имущих использовать силу государства для ограничения зла и поддержки добра, в чем и видится нравственный смысл существования государства» [Там же: п. III.2]. Той же цели призвано и право. Как верно заключают современные исследователи, в рамках религиозной традиции «государство и право, таким образом, есть установленные людьми богообразные средства, при помощи которых они должны противостоять греху, способствуя достижению цели исторического процесса – построению Царства Божьего» [Пудовочкин 2023: 61]. Отказывать этой средневековой идее спасения в принципиальном тождестве с современной идеей обеспечения безопасности едва ли будет правильным. Религиозная средневековая концепция безопасности и есть, по сути, концепция спасения, в рамках которой соблюдение нравственных, духовных ценностей является краеугольным компонентом.

Эта мысль была прямо зафиксирована еще в одном средневековом документе XVI века – Домострое [Колесов 1994: 88 – 133], часть 28 которого гласила: «А кто живет не по-божески, не по-христиански, страха Божия не имеет и отческого предания не хранит, и о церкви Божьей не радуется, и Святого Писания не требует, и отца духовного не слушает, совету добрых людей и наставлениям не вникает по-божески, чинит неправды всякие и насилие, (далее шло масштабное перечисление различных преступлений и пороков – Ф.Ч.) прямоком все вместе в ад попадут, да и здесь уже прокляты всеми. Во всех тех запретных делах не помилует Бог, люди же проклянут». Подчинение и почитание государственной власти (как и власти вообще) здесь также рассматривается в качестве элемента концепции спасения (читай – безопасности). В части 6 Домостроя сказано: «Бойся царя и служи ему верно, всегда о нем Бога моли. И лживо никогда не говори с ним, но с почетом правду ему отвечай, как самому Богу, во всем ему повинуюсь. Если земному царю с правдою служишь и боишься его, научишься и небесного царя страшиться: этот – временен, а небесный вечен, он – судья нелицемерный, каждому воздаст по делам его. Также и князьям покоряйтесь, воздавая им должную почесть, ибо посланы Богом карать злодеев и награждать добродетельны».

С историко-правовой точки зрения важно заметить, что в отличие от Стоглава, в котором наблюдается некоторое смешение религиозных и государственных нормативных установлений, Домострой – литературный памятник, содержащий всецело нравственные поучения, «очищенные» от государственной и правовой догмы, четко обрисовывавший обязанности человека по отношению к церкви, царю и другим людям. В дополнение и в некотором (формальном) смысле в противовес ему развивается система сугубо правовых норм и предписаний, отраженная в Судебниках XIV–XVI веков и достигшая своего расцвета в Соборном Уложении 1649 года. К XVII веку две системы нормативной регуляции – мораль и право – были окончательно «разведены», приобрели автономный статус, что существенным образом отразилось в последующем на всей соционормативной системе и сфере правосознания. Как писал В. Н. Кудрявцев, характеризуя этот момент истории, «если обычаи и традиции представляли собой некое единство норм поведения и отношения к ним населения, то с появлением права произошло расчленение, расхождение этих двух элементов: с одной стороны, официальные нормы, установленные извне, с другой – правосознание народа, то есть знание, понимание, принятие или отвержение этих норм» [Кудрявцев 2002: 34].

Историческое «разведение» морали и права, конечно не привело к деморализации права вообще. Оно лишь открыло путь к внедрению в правовые документы нормативных предписаний подчеркнуто управленческого свойства, лишенных нравственной коннотации, а порой и нравственной поддержки общества (что открыто проявило себя в правовой истории Петровской России). В то же время такое «разведение» позволило государству избирательно подходить к решению вопроса о том, какие моральные нормы поддерживать репрессивной силой уголовного права, какие – изживать, а какие – внедрять. Иными словами, право стало не просто устанавливать санкции за нарушение сложившихся моральных норм, но и активно участвовать в формировании морального уклада. При этом ядро уголовного права – нормы о защите традиционных моральных ценностей – остается достаточно устойчивым еще долгое время, вплоть до начала XX века, когда трансформации подвергаются сами традиционные ценности.

Устойчивость уголовно-правовой защиты моральных ценностей, оформившихся к XVI столетию, наблюдается в трех таких разных по историческим меркам документах, как Соборное Уложение 1649 года, Воинские Артикулы 1715 года и Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Хотя эти уголовно-правовые источники и отражают коренные преобразования российского общества и государства, хотя они и соответствуют трем различным

эпохам в истории России, с точки зрения нашего исследования допустимо их рассматривать в качестве свидетельства единого подхода государства к защите традиционных духовно-нравственных ценностей, поскольку: а) сами ценности, несмотря на все преобразования, в основе своей оставались неизменными и предопределялись христианским вероучением, ставшим не просто официальной, но государственной идеологией; б) механизм уголовно-правовой защиты ценностей не претерпел серьезных изменений. Надо лишь отметить, что этот механизм, начиная с XVI–XVII веков, все более эволюционировал в направлении более четкого разграничения светской и церковной юрисдикции с ограничением возможностей последней. Не обсуждая этот сложный и противоречивый процесс, зафиксируем главное в контексте нашей темы: светская власть, ограничивая правовую и судебную автономию церкви, активно брала именно под свою (то есть собственно государственную) защиту тот набор ценностей, просветительскому утверждению которых должна была способствовать церковь. Тем самым дело защиты и уголовно-правовой охраны традиционных ценностей и моральных норм было признано делом государственной важности. Именно государственный, то есть унифицированный в масштабах всей страны, всеобщий, правовой (а не церковно-корпоративный и даже не совместный государственно-церковный) характер охраны традиционных ценностей определял состояние и движение уголовного закона в исследуемой нами сфере.

Обозревая тексты Соборного Уложения, Воинских Артикулов и Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, можно зафиксировать более качественное в юридико-техническом отношении и систематизированное представление правовых норм, направленных на защиту ценностных ориентиров российского общества.

Первая и весьма обширная их группа была посвящена защите православной веры как официальной идеологической основы русского общества и статуса церкви в государстве.

Соборное уложение [Софоненко 1957] явилось первым светским законодательным памятником, в котором были подробно разработаны, определены и поставлены на первое место составы преступных деяний против религии. Составы преступных деяний против веры были намечены на Стоглавом Соборе 1551 года, а глава I Уложения являлась как бы прямым выполнением его решений. Среди запрещенных деяний значились богохульство, перерыв литургии, церковный «мятеж», то есть нарушение церковной службы произнесением непристойных речей, совершение в церкви бесчинств всякого рода. Вводилось наказание за совращение православных в иную веру («А будет кого бусурман какими ни будь мерами, насильством, или обманом Руского человека к своей бусурманской вере принудит»). Весьма подробно соответствующие деяния были описаны в Воинских Артикулах [Софоненко 1961], существенно усиливших наказание в случае их совершения. В первом артикуле значилось, в частности: «ежели кто из воинских людей найдется идолопоклонник, чернокнижец, ружья заговоритель, суеверный и богохулительный чародей: оный по состоянию дела в жестоком заключении, в железах, гонянием шпицрутен наказан или весьма сожжен имеет быть». Ответственность предусматривалась также за склонение чародея к причинению вреда другим лицам (арт. 2), недонесение о богохульстве (арт. 5). Самостоятельный раздел о религиозных преступлениях предусматривало и Уложение 1845 года (Раздел II. О преступлениях против веры и о нарушении ограждающих оную постановлений, ст. 182–262) [Уложение о наказаниях уголовных и исправительных]. Оно дифференцировало ответственность за богохуление по признаку публичности и места совершения преступления (ст. 183, 184), предусматривало санкции за кощунство («язвительные насмешки, доказывающие явное неуважение к правилам и обрядам церкви», ст. 188), установило наказание за создание и распространение печатной и иной подобного рода продукции богохулительного или кощунственного содержания (ст. 187, 189). Самостоятельной регламентации здесь подверглись деяния, связанные с отступлением от веры и постановлений церкви (отвлечение от православной веры, в том числе насильственное, в веру нехристианскую – ст. 190, отвлечение от православной веры в иное христианское вероисповедание – ст. 195, воспрепятствование переходу в православную веру – ст. 199, воспитание детей не в христианской вере – ст. 192, 198 и др.). Большое внимание уделено ответственности за распространение ереси и раскольнического учения (ст. 206 и др.), уклонение от исполнения постановлений церкви, оскорбление святых и нарушение церковного благочиния.

Вторая группа норм, весьма активно развивавшаяся на пространстве XVII–XIX столетий, – о защите общественной нравственности. Пожалуй, как никакая другая группа предписаний, она, с одной стороны, отражала государственный идеал нравственного состояния общества, а с другой – демонстрировала интенсивное, активное внедрение уголовного права в область регулирования нравственного поведения людей.

В силу особенностей самой истории общественной жизни (то есть жизни за пределами семьи и вне государственного аппарата), соответствующие нормы росли по мере роста сферы общественного проявления личности. На первых порах они ограничивались, по преимуществу, запретами азартных игр (здесь – явное влияние христианства и церкви) и буйства в общественных местах (здесь – большее влияние государственных интересов). Так, Соборное Уложение в главе XXI «О разбойных и о татиньхделех» вводило новый состав преступления – «игра в карты и зернь» по причине тесной связи таковых деяний со множеством иных преступлений против безопасности и собственности («А которые воры на Москве и в городах воруют, карты и зерню играют, и проигрався воруют, ходя по улицам, людей режут, и грабят»). Петр I в Воинских артикулах установил наказание за любое уличное беспокойство («Кто ночью в крепостях, или городах на улице, какой крик или какия излишества учинит» – арт. 48). Сохраняются традиционные нормы о запрете пьянства (арт. 42, 43 Воинского артикула), публичного сквернословия (арт. 177 «от позорных речей и блядских песней достойно и надобно всякому под наказанием удержаться») и публичного непотребства (арт. 25 «А будет кто мужескаго полу, или женскаго, забыв страх Божий и Христианский закон, учнут делатисвады женками и девками на блудное дело»). Косвенно нравственные принципы и нормы морали защищались

уникальными нормами о наказании за неоказание помощи лицам, подвергшимся разбойному нападению либо в уклонении от погони за нападавшими («А где учинитца разбой, а которые сторонние люди, слышачи крик и вопь розбитых людей, ... на крик и на вопь не пойдут .., или ... разбитые люди учнут за разбойники в погоню и на след звать, а те люди в погоню за разбойники или на след не пойдут» – ст. 26 Уставной книги Разбойного приказа 1616 – 1617 годов [Черепнин 1959], а также нормами о запрете разграбления социальных объектов и насилия над мирным населением во время военных действий («Когда город или крепость штурмом взяты будут, тогда никто да не дерзает хотя вышняго или нижняго чина, церкви, школы или иные духовные дома, шпитали без позволения и аказу грабить, или разбивать» – арт. 104). Но развернутую, обширную систему предписания, защищающие идеалы нравственного поведения в обществе, приобрели в Уложении 1845 года. Детальная нормативная регламентация всех сторон общественной жизни человека обусловила соответствующим образом и множество норм об ответственности за нарушение регламентов. В рамках нашей темы наибольший интерес вызывает, в частности: Раздел VIII Уложения «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния», в нем: а) Глава 3 «О нарушении общественного спокойствия, порядка и ограждающих оныя постановлений», а в ее рамках: отд. 2 – о распространении вредных слухов (ст. 1156–1158), отд. 3 – о подложном проявлении чудес и сего рода обманах (ст. 1159–1164), отд. 6, ч. 1 – о бродяжничестве (ст. 1176–1180), отд. 7 – о нарушении правил о прощении подаяния (ст. 1219–1224), отд. 10 – о запрещенных играх, содержании мест для игры сего рода и недозволенных лотереях (ст. 1274–1280); б) Глава 4 «О преступлениях против общественной нравственности и нарушении ограждающих оную постановлений», а в ее рамках: отд. 1 – о соблазнительном развратном поведении, о противоязвенных пороках и сводничестве (ст. 1281–1300), отд. 2 – о противных нравственности и благопристойности сочинениях, изображениях, представлениях и речах (ст. 1301–1305); в) Глава 5 «О нарушении постановлений о цензуре» (ст. 1306–1318); г) Глава 6 «О нарушении постановлений о воспитании юношества» (ст. 1319–1322).

Третью группу норм можно оставить без подробного освещения. Ее образуют традиционные и «вечные» предписания, направленные на защиту сложившегося уклада половых отношений и предусматривавшие ответственность за противоестественные формы удовлетворения сексуальных потребностей, за насильственные половые преступления, кровосмешение, прелюбодеяния, внебрачные половые сношения и др.

Гораздо больший интерес представляют нормативные предписания, выделенные нами в четвертую группу, отражающие возросшее значение ценности человека в общественном сознании, положившие начало признанию человека, его прав и свобод ценностью, достойной включения в разряд традиционных духовно-нравственных. В рассматриваемый период, разумеется, были сделаны только первые шаги в этом направлении. Исходной точкой при этом стали нормы о защите традиционных семейных ценностей.

С одной стороны, они по-прежнему определялись религиозными догматами и императивами Домостроя. В Соборном Уложении, к примеру, вводилась повышенная ответственность за убийство родителей («за отеческое, или за матерне убийство, казнитисмертию же безо всякий пощады» – ст. 1). Здесь же впервые в светском памятнике устанавливалось наказание за насилие или оскорбление родителей со стороны детей («А будет кто сын, или дочь, не помня закона Христианскаго, учнет отцу, или матери грубыя речи говорить, или отца и мать с дерзости рукою зашибет, ... бити кнутом» – ст. 4). В Уложении 1845 года эта норма была дополнена предписанием об ответственности детей (по требованию родителей) за «упорное неповиновение родительской власти, развратную жизнь и другие явные пороки» (ст. 2085). Традиционными были и нормы о защите института брака. В Уложении 1845 года им был посвящен самостоятельный раздел (Раздел XI «О преступлениях против союза брачного»), в рамках которого предусматривалось наказание за противозаконные формы заключения брака (похищение с целью вступления в брак – ст. 2040, принуждение к браку – ст. 2041, заключение брака путем обмана – ст. 2042, двоебрачие – ст. 2045, 2046, вступление в брак в недозволенной степени родства – ст. 2050 и др.).

С другой стороны, к XVIII веку происходит принципиально важное, по сути, эпохальное «открытие» семьи для внешнего государственного вмешательства, снижение абсолютной власти родителей внутри семьи и переход ее под контроль суда и закона. В уголовно-правовой сфере это нашло отражение в формировании корпуса внутрисемейных преступлений против детей и членов семьи. Так, Раздел XI Уложения 1845 года «О преступлениях против прав семейственных» в отд. 3 «О злоупотреблении прав и нарушении обязанностей супружества» (ст. 2075–2077) первой главы содержал нормы об ответственности за жестокое обращение мужа с женой или жены с мужем, за принуждение супруга к какому-либо противозаконному деянию, а отд. 1 «О злоупотреблении власти родительской» (ст. 2078–2082) главы 2 Уложения «О злоупотреблении родительской властью и о преступлениях детей против родителей» содержало нормы о наказании за принуждение родителями своих детей к браку, к монашеству, за вовлечение их в преступление.

Этот фундаментальный ценностный сдвиг (признание ценности личности) сопровождался разработкой и закреплением иных нормативных предписаний, направленных на защиту прав и свобод человека, разумеется, в духе и в пределах, заданных общественным и государственным строем. Среди них – нормы Уложения 1845 года о личных оскорблениях (ст. 2008–2016), о нарушении и присвоении прав состояния (ст. 1852–1877), о противозаконном задержании и заключении (ст. 2025–2030), угрозах (ст. 2035–2039), о произвольном оставлении человека в опасности и неоказании помощи погибающему (ст. 1986–1997).

Как видим, уголовно-правовые нормы о защите ценностного уклада российского общества эволюционировали, будучи в основе своей направленными на сохранение и поддержание порядка, который с позиций сегодняшнего дня уже вполне может быть оценен как порядок, основанный на традиционных российских духовно-нравственных ценностях. Уголовное право при этом, следуя своей основной задаче, вычленило из группы нарушений ценностного

уклада наиболее опасные в представлении государства деяния, угрожая в случае их совершения и суровыми карательными санкциями, и мерами исправительного воздействия со стороны церковных властей. Государство при этом отчетливо сознавало, что далеко не все нарушения, с одной стороны, достойны уголовно-карательных санкций, а с другой – могут быть эффективно предупреждены исключительно просветительскими мерами. По этой причине важно обратить внимание на то, что к охране ценностного и нравственного порядка в обществе с конца XVIII века привлекается еще одна, новая отрасль права – право полицейское (административное – в современной его интерпретации). В 1782 году «для споспешества доброму порядку» Екатерина II утверждает Устав благочиния или полицейский [Индова 1987: 326–388], просуществовавший с изменениями вплоть до 1862 года, когда была проведена полицейская реформа.

«Благочиние» – есть добрый порядок, благопристойное поведение. И уже в первых статьях Устава Екатерина в духе просвещенного абсолютизма формулирует идеальные представления о пристойном поведении граждан, разделив соответствующие моральные требования на три группы:

а) правила поведения человека вообще («правила добронравия»: не чини ближнему чего сам терпеть не хочешь; нетокмо ближнему не твори лиха, но твори ему добро колико можешь; буде кто ближнему сотворил обиду личную, или в имени или в добром звании, да удовлетворит по возможности; в добром помогите друг другу, веди слепаго, дай кровлю неимеющему, напой жаждущего; сжался над утопающим, протяни руку помощи падающему; блажен кто и скот милует, буде скотина и злодея твоего споткнется подними ее; с пути сошедшему указывай путь);

б) правила поведения в семье («правила обязательств общественных»: муж да прилепится к своей жене в согласии и любви, уважая, защищая и извиняя ее недостатки, облегчая ее немощи доставляет ей пропитание и содержание по состоянию и возможности хозяина; жена да пребывает в любви, почтении и послушании к своему мужу; и да оказывает ему всякое угождение и привязанность аки хозяйка; родители суть властелины над своими детьми, природная любовь к детям предписывает им долг дать детям пропитание, одежду и воспитание доброе и честное по состоянию; дети долг имеют оказывать родителям чистосердечное почтение, послушание, покорность и любовь, и служить им самым делом, словами же и речьми отзываться об них величайшим почтением, сносить родительские поправки и увещания терпеливо без ропота, и да продолжится почтение и по кончине родителей);

в) правила поведения по службе («правила определеннаго к благочинию начальства и правила его должности»: здравый разум, добрая воля в отправлении порученного, человеколюбие, верность к службе императорского величества, усердие к общему добру, рдение о должности, честность и безкорыстие).

Этот своего рода «моральный кодекс» подданного Российской империи подтверждался развернутой и обширной системой предписаний (ст. 233–274), определяющих список запрещенных деяний и санкций за их совершение, среди которых были не только известные уголовному праву преступления, но также и новые, «малозначимые» деяния, подсудные непосредственно полиции.

Обозревая памятники уголовного права на большом историческом отрезке, стоит еще раз заметить, что несмотря на известные и весьма существенные изменения в государственной и общественной жизни, несмотря на кардинальные изменения в организации и системе права, в области уголовно-правовой охраны нравственных ценностей наблюдается принципиальное единство, определяемое господством традиционной русской культуры с его ставкой на религиозность, коллективизм, авторитет власти, высокие моральные стандарты личного и общественного поведения. Главными направлениями развития аксиологической истории уголовного права в этот период стали: формирование и поддержка правом христианских ценностей, официальное декларирование признаваемых ценностей, уточнение сферы ответственности церкви и государства в работе по защите традиционных ценностей, расширение области светского уголовно-правового регулирования ценностно-значимого поведения. Устойчивый в содержательном отношении набор уголовно-правовых норм, ориентированных на защиту ценностей, сформировавшийся к XV–XVI векам, остался стабильным вплоть до конца XIX века. Вместе с тем существенным моментом истории ценностей в этот период стало оформление (пусть пока не вполне ясное, внятное и отчетливое, но все же оформление) идеи о ценности человека, его прав и свобод. Развитие этой идеи, как нам представляется, стало определяющим моментом последующей эволюции отечественной культуры, правовой и уголовно-правовой системы.

Литература

Домострой / изд. подгот. В. В. Колесов, В. В. Рождественская. СПб., 1994.

Дылевский М. Стоглавый Собор: предпосылки, ход, значение / Новосибирский временник. – 2022. – № 1. – С. 21 – 35.

Кудрявцев В. Н. Преступность и нравы переходного общества. М., 2002.

Лунин С. В. Правонарушения и юридическая ответственность по Стоглаву 1551 г.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Грозный, 2000.

Основы социальной концепции Русской православной Церкви. Приняты Освященным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви, 13–16 августа 2000 г. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 13.08.2024).

Памятники русского права. В 8 вып. Выпуск восьмой. Законодательные акты Петра I. Первая четверть XVIII в. / под ред. К. А. Софроненко. М., 1961.

Памятники русского права. В 8 вып. Выпуск пятый. Памятники права периода сословно-представительной монархии. Первая половина XVII в.в. / под ред. Л. В. Черепнина. М., 1959.

Памятники русского права. В 8 вып. Выпуск шестой. Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / под ред. К. А. Софроненко. М., 1957.

Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Преступность в контексте философии истории / Lexrussica. – 2023. – Т. 76, № 11. – С. 57–73.

Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления русского централизованного государства / под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1984.

Российское законодательство X–XX веков. В 9-ти т. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма / отв. ред. Е.И. Индова. М., 1987.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845.

References

Domostroy(1994).Prepared by V.V. Kolesov, V.V. Rozhdestvenskaya. St. Petersburg [in Russian].

Dylevsky, M. (2022).Stoglav Council: prerequisites, course, significance. Novosibirsk Vremyanik, 1, 21–35 [in Russian].

Kudryavtsev, V.N. (2002). Crime and customs of a transitional society. Moscow [in Russian].

Lunin, S.V. (2000). Offenses and legal liability under Stoglav of 1551: author's abstract diss. ... candidate of legal sciences. Grozny [in Russian].

Fundamentals of the social concept of the Russian Orthodox Church. Adopted by the Holy Bishops' Council of the Russian Orthodox Church, August 13-16, 2000. Available from: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> [in Russian].

Monuments of Russian law. In 8 issues. Issue 8. Legislative acts of Peter I. First quarter of the 18th century (1961).Edited by K. A. Sofronenko. Moscow [in Russian].

Monuments of Russian law. In 8 issues. Issue 5. Monuments of law from the period of estate-representative monarchy. First half of the 17th century (1959).Edited by L. V. Cherepnin. Moscow [in Russian].

Monuments of Russian law. In 8 issues. Issue 6. The Cathedral Code of Tsar Alexei Mikhailovich of 1649 (1957).Edited by K. A. Sofronenko. Moscow [in Russian].

Pudovochkin, Yu.E., Babaev, M.M. (2023). Crime in the context of the philosophy of history. Lex russica, 76, 11, 57–73 [in Russian].

Russian legislation of the 10th – 20th centuries. In 9 volumes. Volume 2. Legislation of the period of formation and strengthening of the Russian centralized state (1984). Under the general editorship of O.I. Chistyakov. Moscow [in Russian].

Russian legislation of the 10th – 20th centuries. In 9 volumes. Vol. 5. Legislation of the heyday of absolutism (1987).Edited by E. I. Indov. Moscow [in Russian].

Code of criminal and correctional punishments (1845). St. Petersburg [in Russian].

Citation:

ЧирковФ. В. Российские духовно-нравственныеценности и ихуголовно-правоваяохрана в XVI – XIX веках// Юрислингвистика. – 2024. – 34. – С. 147-153.

Chirkov F. V. (2024)Russian Spiritual and Moral Values and their Criminal-Legal Protection in the 16th – 19th Centuries. Legal Linguistics, 34, 147-153.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License